

Картографирование классов: традиции и новации

Аннотация

Дебаты классовых аналитиков в последние два десятилетия выявили основные проблемы картографирования классов и обозначили возможные перспективы совершенствования соответствующей методологии и методики. В статье обобщены результаты дискуссии о конструировании и применении эмпирических классовых схем и предложена оригинальная схема/матрица идентификации классовых позиций на основании трех критериев. По отношению к собственности на средства производства выделены макроклассы (наемных работников и собственников). По горизонталям и вертикалям каждой из этих матриц образуются мезоклассы: позиции, выделяемые в матрице собственников по масштабу предпринимательской деятельности и секторально-отраслевой ее специализации; в матрице наемных работников — по уровню квалификационного ресурса и секторально-отраслевой специализации занятия. Микроклассы — позиции, образуемые на пересечении названных критериев мезоклассов. Описана эмпирическая операционализация матриц классовых позиций и варианты их группировки. Сформулированы гипотезы для валидации предложенных матриц.

Ключевые слова: класс, картографирование классов, эмпирические классовые схемы, матрица классовых позиций, собственники, наемные работники

В фокусе современных дебатов о классовом анализе — проблемы широко понимаемого классового картографирования, задачи которого состоят в конструировании типологии классов в определенном обществе, анализе распределения индивидов/групп согласно этой типологии и составлении социально-демографического портрета классов. Классовая типология/схема может быть и конечным результатом эмпирического исследования, и его

исходной предпосылкой (к примеру, для изучения разнообразных “классовых следствий” — влияния классовой принадлежности на жизненные шансы, убеждения, ценности, культурные и потребительские практики, социальную мобильность). Вопрос конструирования и применения эмпирических классовых схем является ныне остро полемическим. В западном классовом анализе в последние два десятилетия наблюдается два тренда.

Один — назовем его трендом *методологического глобализма* — связан с конвенциональным соглашением среди классовых аналитиков о принятии в качестве стандарта определения классовых позиций типологии Джона Голдторпа (именуемой также схемой EGP и CASMIN), базирующейся на различиях трудовых и рыночных ситуаций [Goldthorpe, 1987; Erikson, 1992], в более поздней версии — контрактов занятости [Goldthorpe, 2000]. Особенно очевиден этот тренд в сравнительных исследованиях: разработанная на основе схемы Голдторпа Европейская социоэкономическая классификация (ESeC) рекомендована пользователям международных эмпирических проектов как валидизированное средство классового картографирования [Social Class in Europe, 2010; Rose, 2007]. Популярна в качестве релевантного инструмента идентификации классовых положений и классовая типология Эрика Олина Райта (в ее основе — отношения власти/контроля [Wright, 1985] и эксплуатации [Wright, 1997]), также широко применяемая в международных проектах (к примеру, см.: [Кон, 1998; Соціальні структури, 2007]).

Другой тренд — разработка и использование *альтернативных классовых типологий* — набирал обороты с середины 1990-х годов. Этот тренд репрезентирует ряд крупных проектов классового картографирования, вызвавших значительный резонанс среди исследователей классов. (1) Нидерландский социолог Госта Эспин-Андерсен предложил “постиндустриальную классовую схему” [Esping-Andersen, 1993, 1999], в которой среди критериев классовой позиции помимо собственности, власти и квалификации в качестве значимого выделяется также критерий отраслевой дифференциации занятости. Основная идея этого подхода — дифференцировать фордистские и постфордистские классы, полагая, что между ними есть принципиальные различия в современном обществе. (2) Американскими социологами Дэвидом Граски и Ким Уиден предложена исследовательская программа “нового классового анализа” на основании дезагрегирования классов до уровня занятий [Grusky, 2001; Weeden, 2005]. Их аргументы в пользу дезагрегационного подхода (disaggregate approach) к классам базируются на более адекватном (на взгляд авторов) по сравнению с “крупноклассовым” подходом (big-class approach) Голдторпа объяснении паттернов классовой идентификации, социального закрытия, коллективного действия, а также жизненных стилей и мироощущений. (3) Самый “свежий” (2013-й год) вариант классовой типологии предложен британскими социологами под руководством Майка Сэвиджа [Savage, 2013]. Этот проект классового картографирования реализован в рамках “нового (культурного) классового анализа”, согласно которому классы идентифицируются на основании не отношений занятости (этот подход авторы считают ограниченным), а (вдохновляясь идеями Пьера Бурдьё) комплексного учета показателей экономического, социального и культурного капиталов.

Надо сказать, что эти попытки ревизии и посягательство на единомыслие в западном классовом анализе были встречены отнюдь не дружелюбно¹. В ответах на критику названные авторы-новаторы по-разному объясняют, почему удобству и защищенности конвенционального использования единой классовой схемы они противопоставляют свои альтернативные идеи. Поиск иных оснований для выделения классов они объясняют необходимостью отразить постиндустриальные сдвиги [Esping-Andersen, 1993, 1999], учесть недостатки номиналистского подхода к классовому анализу и тестировать возможности реалистского подхода [Grusky, 1998, 2001], неудовлетворенностью классовым картографированием на основе занятия и продвижением идеи комплексного учета разнообразных показателей экономического, социального и культурного капиталов [Savage, 2013].

В исследовательской практике украинских социологов в последние двадцать лет одновременно присутствовали те же два тренда. С одной стороны, для классового картографирования и изучения разнообразных классовых следствий использовались методологические подходы и инструменты “золотого стандарта” — схемы Дж.Голдторпа и Э.О.Райта (см.: [Кон, 1998; Соціальні структури, 2007; Куценко, 2006, 2007; Оксамитная, 2003, 2004; Макеев, 2006; Симончук, 2007, 2010, 2011]). С другой — появилась заинтересованность в разработке альтернативных теоретико-методологических подходов и инструментов типологизации класса². Причем, как оказалось, отечественные поиски методологических и инструментальных новаций шли в рамках описанных выше идей западных “альтернативных” классовых картографов. Так, Наталия Ковалиско [Ковалиско, 2008], Сергей Макеев и Анна Домаранская [Макеев, 2014] разрабатывали типологии классов, ориентируясь на комплексный подход в стиле П.Бурдьё и М.Сэвиджа. Предлагаемая автором в данной статье классовая схема близка идеям Г.Эспин-Андерсена относительно необходимости дифференциации аграрных, индустриальных и постиндустриальных классов путем учета отраслевого критерия занятости, а также к идеям Д.Граски и К.Уиден о релевантности дезагрегационного подхода к классам.

Таким образом, сегодня в западном и отечественном классовом анализе сосуществует два тренда: 1) использование ставших уже классическими инструментов классового картографирования и 2) разработка новых идей, чтобы (по выражению М.Сэвиджа) противостоять “концу истории” классового анализа в известных рамках, в которых становится тесно другим исследователям. Автор статьи в своей исследовательской практике обращается к обоим трендам.

¹ Так, жесткой критикой на программу Д.Граски и К.Уиден отозвались Дж.Голдторп [Goldthorpe, 2002] и Г.Терборн [Therborn, 2002]. Теоретические и методические инновации коллектива М.Сэвиджа также подверглись неодобрительному критическому разбору [Mills, 2014; Bradley, 2014]. Р.Эриксон и Дж.О.Джонсон скептически оценили основные тезисы постиндустриальной схемы Г.Эспин-Андерсена, тем не менее дали этой схеме шанс, рекомендовав ее для валидации в проекте ESS [Erikson, 2000].

² В российской социологии авторские классовые схемы, отражающие постсоветские структурные инновации, предложены Т.Заславской [Заславская, 1997, 2002] и О.Шкаратаном [Шкаратан, 2009].

Обоснование необходимости методических инноваций

Стратегическая цель, стоящая перед отечественными классовыми аналитиками, — эмпирически обоснованно ответить на два взаимосвязанных вопроса: 1) имеет ли концепт “социальный класс” достаточный потенциал в объяснении социальных неравенств в украинском обществе и 2) каков статус классового анализа в современной отечественной социологии. Одним из убедительных ответов будет составление эмпирически выверенной “карты релевантности понятия класса” в украинских реалиях, где приведены эмпирические доказательства влияния класса на разнообразные переменные — жизненные шансы, социальную идентичность, мировоззренческие и поведенческие характеристики индивидов и групп. Для реализации этой цели исследователю необходим адекватный инструмент определения классовой позиции индивида (эмпирическая классовая схема), выступающей независимой переменной в анализе различных “классовых следствий”. Вопрос инструментария в отечественных исследованиях класса автор и намеревается проблематизировать.

По мнению ряда западных аналитиков (напр.: [Shrensen, 1996, 2000; Grusky, 1998, 2001]), “крупноклассовый” подход Дж.Голдторпа, использующий высокоагрегированные классовые категории, дискредитирован результатами дискуссии “о смерти класса”, свидетельствующими о слабости “классовых следствий” в западных обществах. Выводы отечественных социологов, уже в достаточной мере отработавших исследовательскую программу “крупноклассового” (в терминах Граски и Уиден) подхода, также свидетельствуют о том, что класс (эмпирически идентифицируемый в категориях классовых схем Голдторпа и Райта) слабо дифференцирует жизненные шансы [Оксанитная, 2004], политические ориентации [Куценко, 2006; Макеев, 2007], ценностные системы [Куценко, 2007], характеристики личности [Соціальні структури, 2007], установки социального неравенства [Симончук, 2008], протестные практики [Симончук, 2011]. Логично сформулировать такой исследовательский вопрос: чем обусловлена слабость обнаруживаемых классовых следствий — радикально изменившимися режимами включенности индивидов в социальное целое и функционирования в нем или же изъянами в применяемых инструментах фиксации классовых позиций?

Стремление предложить собственную эмпирическую классовую схему возникло из-за сомнений в релевантности названных выше схем, используемых автором в исследовательской практике. Например, сделанный в одном из исследований вывод, что класс практически не влияет на социальные установки неравенства [Симончук, 2010], мог быть обусловлен не реальным положением дел, а грубо настроенным для решения поставленной задачи инструментом фиксации классовых позиций. Неудовлетворенность упомянутыми схемами связана с рядом причин. На наш взгляд, эти схемы дают неудовлетворительную *дифференциацию класса собственников*. 1. В схеме Голдторпа этот класс представлен мелкими собственниками, тогда как классы крупных и средних собственников¹ игнорируются по причине не-

¹ Классы крупных и средних собственников присутствуют в схеме Райта, но в схеме Голдторпа они включены в служебный класс, тем самым нарушая принцип разделения собственников и наемных работников.

доступности их представителей в ходе массового опроса. Такой подход вызывает ряд возражений. (а) Мелкие собственники не могут репрезентировать весь класс собственников, поскольку, согласно выводам многих исследователей, его представители по характеристикам жизненных условий, политических и экономических ориентаций, культурных практик ближе к рабочему классу, чем к крупным собственникам; кроме того, ожидается, что именно средние и крупные собственники имеют контрастные ответы во всех изучаемых областях в сравнении с классами наемных работников. (б) Малочисленность в выборке и слабая эмпирическая доступность не могут быть причиной исключения крупных и средних собственников из аналитической схемы, поскольку благодаря многолетнему накоплению эмпирических данных слитые массивы отечественных и международных проектов могут обеспечить достаточную наполненность этих категорий; вместе с тем они могут быть полезны в целевых выборках. 2. Практикуемые в отечественных исследованиях схемы игнорируют секторально-отраслевую дифференциацию позиций собственников. Однако следует признать, что такие позиции, как фермер, мелкий производитель, мелкий торговец и профессионал-фрилансер (то есть представители аграрного, индустриального, сервисного и постиндустриального секторов предпринимательства), имеют принципиальные отличия в жизненных условиях и жизненных шансах, социальной идентификации, культурных практиках, экономических и политических ориентациях, других характеристиках сознания и поведения¹, но, попадая в один класс (в схеме Райта) или два класса (IVв и IVс в EGP-схеме) самозанятых, “гасят” друг друга в массовом опросе.

Названные схемы имеют недостатки и в *дифференциации классовых позиций наемных работников*. 1. Схема Голдторпа объединяет высококвалифицированных профессионалов и менеджеров в верхнем служебном классе, хотя близость этих позиций относительно жизненных шансов и карьерных характеристик для украинского общества эмпирически не верифицировалась. (Кстати, этого недостатка лишена схема Райта, дифференцирующая классовые положения менеджеров, супервайзеров и профессионалов.) 2. Названные схемы не учитывают дифференциацию классовых позиций наемных работников по отраслевой специализации (например, у Райта) или учитывают недостаточно (у Голдторпа дифференциация на сельскохозяйственный и несельскохозяйственный труд, а последний — на физический и нефизический). На наш взгляд, секторально-отраслевые отличия стоит учитывать в более детализированном виде (согласно как минимум четырем секторам занятости), вслед за Эспин-Андерсеном гипотетически по-

¹ Подобное замечание высказывают авторы дезагрегационного подхода к классу: Д.Граски и К.Уиден критикуют авторов EGP-схемы за то, что в классе мелкой буржуазии занятия его представителей не придают значения, в результате чего среди самозанятых респондентов такие разные занятия, как гувернантка и судовой офицер, агрегируются в единое целое; из этого следует, что представители этих занятий должны давать идентичные ответы по разным переменным [Weeden, 2005: p. 21]. Граски и Уиден в рамках своего проекта предприняли специальное исследование, оценивающее степень гомогенности мелкой буржуазии как класса, и сделали вывод о “существенной структуризации мелкой буржуазии на уровне занятий” [Weeden, 2005: p. 21, Appendix B, Table 2]. Кроме того, процесс усиления занятости неоднородности группы самозанятых хорошо изучен британскими социологами [Meager, 2004; The Reemergence, 2004].

лагая, что работники аграрного, индустриального и постиндустриального секторов имеют принципиальные отличия в жизненных шансах, стилях жизни, паттернах сознания и поведения¹.

В данной статье предложена схема, которая претендует быть более тонким (по сравнению с уже используемыми) инструментом дифференциации классовых позиций индивидов, устраняя описанные выше недостатки. Наш подход прежде всего стремится к (а) детальной структуризации класса собственников, (б) большей внутренней гомогенности классов, в частности за счет учета секторально-отраслевого критерия, (в) вариативности агрегирования классовых позиций, предлагая возможность их трехуровневой (макро, мезо и микро) группировки. Подчеркнем, что, разделяя идеологию дезагрегационного подхода Граски и Уиден, данный подход ориентирован не на радикальное замещение класса занятием (как в их схеме), а на замену крупноагрегированных классов более дезагрегированными, в идеале — параллельное (вложенное) использование таковых. Мы гипотетически полагаем, что дезагрегационный подход такого рода позволит обнаружить более значимые связи класса и разнообразных “классовых следствий”. (О программе валидизации схемы см. далее.)

Ниже представлены концептуальное обоснование предлагаемой схемы и ее эмпирическая операционализация, описаны варианты агрегирования классовых категорий и сформулированы гипотезы для валидизации схемы.

Концептуальные основания

Концептуальное изложение предлагаемой схемы предварим формулированием ряда исходных тезисов относительно классового картографирования, отражающих сложность и многовариантность эмпирического изменения классов.

1. Классовые схемы различаются идентификацией реальных и номинальных групп. Одни картографы классов направляют усилия на выявление реальных, эмпирически наблюдаемых, субъективно значимых групп, являющихся общностями с более или менее развитой демографической, субкультурной и социальной идентичностью². Они убеждены, что классовый анализ должен базироваться не на сконструированных аналитиками номинальных категориях, а на “реальных социальных группировках”, распознаваемых и значимых для составляющих их индивидов [Grusky, 2001;

¹ Отметим, что тезис Г.Эспин-Андерсена о том, что занятость в “традиционном” индустриальном и в “новом” постиндустриальном секторах связана с различиями в жизненных шансах, разделяется не всеми. Например, Р.Эриксон считает, что пока нет убедительных эмпирических свидетельств в пользу того, что секторные расколы, основанные на занятости в промышленности или сфере услуг, имеют такие последствия [Erikson, 2000: p. 16–17].

² Причем классы как реальные группы обнаруживают двумя способами: 1) путем идентификации жизненных стилей, связанных с разными жизненными условиями (например, в ходе исследования местных сообществ [Warner, 1949]) или 2) с помощью аппроксимации разнообразными классовыми индикаторами (занятие, образование, собственность, доход и его источники), служащими мерилем жизненных условий различных классов (к примеру, схема Д.Граски и К.Уиден, идентифицирующая гомогенные группировки на основе унитарных занятий [Grusky, 2001; Weeden, 2005]).

Weeden, 2005]. Авторы классовых схем другого (номиналистского) типа разрабатывают их главным образом для описания и объяснения различий между структурными классовыми позициями, согласно которым распределяются индивиды/семьи и которые структурируют их жизненные шансы¹. При этом они не исключают наличия в теоретически выделенных ими границах общностей с узнаваемой демографической и социальной идентичностью, просто не считают факт эмпирического существования таких реальных группировок принципиально важным для классового анализа.

2. Классовые типологии различают по способу их продуцирования как субъективистские/акторские и исследовательские/аналитические. Первые вырабатываются в повседневных практиках и включают номинации, которыми оперируют рядовые члены определенного общества для описания своей социальной позиции и окружающих. Вторые являются результатом картографирования исследователем реальных классовых группировок [Warner, 1949; Grusky, 2001] или классово-структурных позиций индивида/группы [Goldthorpe, 1987; Wright, 1985].

3. Классовые схемы разделяют на градационные и релятивистские. В градационных схемах классы размещаются на шкале исходя из обладания большим или меньшим объемом различных активов (доходов, власти, квалификации) и, соответственно, являются иерархически организованными. В релятивистских схемах классы определяются природой их взаимных экономических отношений и не имеют иерархической структуры. Считают, что схемы обоих типов пригодны для отображения классовых неравенств жизненных шансов и различий в паттернах сознания и действий, однако градационные не способны объяснить природу и генезис классовых неравенств.

4. Релятивистские схемы различаются пониманием природы классовых отношений, структурирующих классы. Одни идентифицируют классовые позиции на основании отношений занятости (Дж.Голдторп, Г.Эспин-Андерсен, Д.Граски) или производственных отношений (Э.О.Райт), иные — на базе отношений власти (Р.Дарендорф), социального закрытия (Ф.Паркин) или комбинации экономического, культурного и социального капиталов (П.Бурдье, М.Сэвидж).

5. Одни классовые схемы предназначены для измерения структурной локализации только занятого населения, другие — как занятого, так и незанятого (безработных, пенсионеров, домохозяек, студентов). Схемы, измеряющие классовые позиции через отношения занятости/производства, разрабатывались для картографирования занятого населения. Однако в репрезентативных национальных выборках занятые составляют, как правило, не более половины респондентов. Для охвата и незанятых респондентов предложены разные подходы, в частности адаптированные варианты схемы Э.О.Райта (см.: [Кон, 1998]) и Дж.Голдторпа (схема ESeC, см.: [Rose, 2007]). Для классовой типологизации занятого и незанятого населения адекватны схемы, базирующиеся на владении определенными активами (П.Бурдье, М.Сэвиджа и коллег).

¹ Вопрос отнесения конкретных схем к номиналистским или реалистским неоднозначен. Так, Э.О.Райт [Wright, 2005] базирующийся на контрактах занятости подход Дж.Голдторпа классифицирует как реалистский, а Д.Граски и К.Уиден [Grusky, 2001; Weeden, 2005] — как номиналистский и противопоставляют ему свой альтернативный (реалистский) проект классового картографирования.

6. Классовые схемы предназначены для фиксации классовой позиции индивида (наиболее часто) или семьи/домохозяйства. Классовые позиции внутри семьи могут не совпадать: ее члены в современном обществе часто занимают неодинаковое положение в трудовых отношениях, что косвенно очень по-разному связывает каждого из них с классовой структурой. Исследователи предлагают те или иные подходы для учета этого классового дисбаланса внутри семьи (конвенциональный, доминантный, объединяющий), разрабатывая их в рамках проблемы отношения гендера и класса (детальнее см.: [Оксамитная, 2012]).

7. Модели, основанные на отношениях занятости/производства, базируются на определении классовой позиции индивида, как правило, на учете его основного занятия, однако в последние десятилетия широко распространенными стали “нестандартные”, комбинированные позиции (например, наемный работник и самозанятый; наемный работник и акционер предприятия; наемный работник на двух или даже трех местах работы). Проблемы логичного включения сложных случаев в концепт классовой структуры показаны в: [Wright, 1989, 1997].

Очевидно, что совместить в одном подходе все названные оппозиции невозможно, поэтому автором приняты такие ограничения относительно каждого из указанных выше пунктов. Предлагаемая схема (1) ориентирована в большей мере на номиналистский подход, одновременно стремясь при конструировании классовых позиций обнаружить реальные группы с эмпирически различимой демографической, субкультурной и социальной идентичностью, (2) базируется на теоретически обоснованных исследователем объективных критериях и (3) релятивистском подходе, (4) идентифицируя классовые позиции на основании отношений собственности и занятости, (5) предназначена для классового картографирования занятых респондентов или когда-либо имевших занятость, (6) фиксирует индивидуальную классовую позицию респондента (7) на основе его основного занятия, игнорируя комбинированные случаи занятости.

Сформулируем ряд исходных положений авторской концептуализации. В предлагаемой схеме выделено три уровня классовых позиций. Исходным критерием различения классов (как и во всех классовых схемах, базирующихся на отношениях занятости) является отношение к собственности на средства производства, согласно которому на первом уровне классовой дифференциации выделены *макроклассы* — собственники (класс работающих не по найму, или самозанятых в широком смысле) и наемные работники. На втором уровне (*мезоклассы*) дифференциация классовых позиций имеет особый характер в каждом из макроклассов. Среди собственников мезоклассы различаются 1) по масштабу предпринимательской деятельности и 2) по ее секторально-отраслевой специализации, а среди наемных работников — 1) по уровню квалификационного ресурса и 2) по секторально-отраслевой специфике занятия¹. Третий уровень классовых позиций (*микро-*

¹ Отметим, что дифференциация позиций собственников по масштабу предпринимательской деятельности, а наемных работников — по уровню квалификационного ресурса сродни различению П.Бурдые классов согласно *объему* капитала (экономического и культурного), имеющегося в распоряжении тех, кто эти классовые позиции занимает. Дифференциация позиций собственников и работников по секторально-отраслевой

классы), локализованный на пересечении названных критериев мезоклас-сов, является, на наш взгляд, предельно возможным для дифференциации классов (в отличие от подхода Граски и Уиден, дезагрегирующих их до уровня дискретных занятий). В границах выделенных таким образом микроклассовых позиций предполагается обнаружить не только номинальные группы с подобными жизненными шансами и стилями жизни, но и общности (реальные группы), имеющие сходные социально-классовые идентичности, паттерны коллективных действий и группового членства.

Образующую классовую типологию для наглядности и удобства анализа данных было решено отразить в виде матрицы (системы расположенных прямоугольником элементов). Причем в нашем случае получилась “квадратная матрица”, поскольку количество строк равно количеству столбцов¹.

Класс собственников: концептуализация и операционализация понятия

Общая для всех групп собственников характеристика — их самостоятельная, на свой риск экономическая деятельность, базирующаяся на владении собственностью (на землю, средства производства, финансовый или интеллектуальный капитал), наличии автономии и отсутствии организационного контроля в трудовом процессе и направленная на получение прибыли. Структурно же дифференцирует этот класс ряд критериев; два из наиболее значимых — размер и форма собственности, иначе говоря, масштаб и секторально-отраслевая специализация их предпринимательской деятельности, заложены в предлагаемой схеме.

Дифференциация по масштабу предпринимательской деятельности

Одно из важнейших оснований для дифференциации класса собственников — масштаб их предпринимательской деятельности, измеряемый разными критериями, такими как (не)использование наемного труда, количество наемных работников, объем дохода от реализованной продукции/услуг, размер активов (предприятий, земли, денег, др.). Четкая эмпирическая операционализация этого критерия дана в методологических пояснениях к статистическим показателям и различным классовым схемам.

В терминологии официальной статистики Украины (причем в основе национальных классификаций лежат международные стандарты) класс собственников (работающих не по найму) охватывает три категории статуса занятости, различаемые по критерию (не)использования наемного труда. “Работодатели — это лица, работающие самостоятельно или с одним/несколькими деловыми партнерами на собственном предприятии (в собственном деле) и в этом качестве привлекающие на постоянной основе наемных работ-

специфике близка к подходу Бурдьё, выделяющему внутри классов фракции согласно *составу* капитала (относительному преобладанию экономического или культурного капитала) [Bourdieu, 1984: p. 128–129, 262, 340].

¹ Отметим, что авторские положения излагаются в сопоставлении с известными классовыми схемами и статистическими классификаторами. При разработке данного инструмента автор намеренно ориентируется на сближение статистического и социологического инструментариев.

ников. *Самозанятые* — лица, самостоятельно или с одним/несколькими деловыми партнерами осуществляющие приносящую доход деятельность и не привлекающие постоянных наемных работников. *Бесплатно работающие члены семьи* — лица, работающие без оплаты на семейном предприятии, которое возглавляет родственник” [Економічна активність, 2015: с. 13–14]¹. Важным аспектом дифференциации работодателей является размер их предприятий (крупные, средние, мелкие и микро). В национальной и международной статистике труда в качестве критериев определения масштаба предприятия и, соответственно, его собственника приняты количество наемных работников и объем дохода от реализуемой продукции. *Малые предприятия* идентифицированы как “субъекты хозяйствования какой-либо организационно-правовой формы и формы собственности, у которых среднее количество работников за отчетный период не превышает 50 человек и годовой доход от какой-либо деятельности не превышает сумму, эквивалентную 10 миллионам евро”², *крупные предприятия* — субъекты, у которых среднее количество работников превышает 250 человек и годовой доход превышает сумму 50 миллионов евро; “*средние предприятия* — другие субъекты хозяйствования” [Статистичний щорічник, 2013: с. 294].

Авторы классовых схем, наиболее широко используемых в эмпирических социологических исследованиях, концептуально определяют класс собственников сходным образом, но операционализируют его по-разному (подробнее см.: [Симончук, 2007]). Так, Э.О.Райт конструирование своей классовой схемы, базирующейся на модели многомерной эксплуатации, начинается с дифференциации классовых позиций по отношению к средствам производства, выделяя два сектора — собственников и наемных работников. Сектор собственников представлен тремя классовыми позициями, отличающимися количеством наемных работников: *капиталисты*, имеющие более 10 работников, *мелкие работодатели* с 2–9 работниками и *мелкая буржуазия / самозанятые* без наемных работников. Две последние позиции представляют класс мелких собственников — наиболее многочисленный среди собственников и широко представленный в массовых опросах. Отправным пунктом построения классовой типологии Дж.Голдторпа (EGP-схемы) является выделение трех базовых категорий: *работодатели* (покупающие рабочую силу и имеющие контроль над ней), *самозанятые* (не покупающие чужой труд, но и не продающие свой) и *наемные работники* (продающие свой труд работодателям и подлежащие контролю с их стороны). По мнению Голдторпа, из-за корпоративного характера крупной собственности в современной экономике класс капиталистов-работодателей представлен в обществе мелкими собственниками (классы IVa и IVc); как правило, это владельцы магазинов, гостиниц, ресторанов, маленьких фабрик или фирм транспортировки, рекламных и туристических агентств, позиции которых, согласно эмпирическим данным, более близки к самозанятым (IVb),

¹ Дифференциация согласно Международному классификатору статуса занятости 1993 года (International Classification of Status in Employment — ICSE-93).

² В статистических сборниках с 2012 года выделяют *микронпредприятия*, субъектами которых являются физические лица-предприниматели и юридические лица, у которых среднее количество работников за отчетный период не превышает 10 человек и годовой доход не превышает сумму, эквивалентную 2 млн евро.

чем к крупным собственникам (объединенным с высококвалифицированными менеджерами и профессионалами в верхнем служебном классе I). Г.Эспин-Андерсен помещает собственников в два сектора своей постиндустриальной классовой схемы — аграрный (фермеры) и фордистский (дифференцируя их на мелкую буржуазию, а также крупных и средних собственников; правда, две последние категории, как и в случае EGP-схемы, объединены с менеджерами, что делает невозможным их отдельный анализ). Таким образом, в названных классовых схемах класс собственников представлен преимущественно двумя категориями мелких предпринимателей — тех, кто не использует наемный труд, и тех, кто имеет небольшое количество (чаще до 10) наемных работников.

В предлагаемой схеме первым критерием дифференциации класса собственников является *масштаб их предпринимательской деятельности*. Он учитывает: 1) факт (не)использования наемного труда — на этом основании собственники подразделяются на работодателей и самозанятых, 2) иерархию работодателей в зависимости от количества наемных работников и размера дохода от реализуемой продукции — на этом основании они подразделяются на крупных, средних и мелких. Получаемая таким образом матрица собственников, стратифицированная по критерию масштаба предпринимательской деятельности, состоит из четырех категорий (рис. 1). Ее эмпирическая операционализация зависит от вида используемой исследователем эмпирической базы: критерий “размер дохода от реализованной продукции” не закладывается в социологические массивы, а шкала критерия “количество наемных работников” значительно отличается в показателях статистики и названных классовых схем.

		Данные	Классовые
		Госкомстата	схемы
		кол-во наемных работников	кол-во наемных работников
Дифференциация по масштабу предпринимательской деятельности	А Крупные работодатели	более 250	более 30
	В Средние работодатели	50–250	10–29
	С Мелкие работодатели	менее 50	2–9
	Д Самозанятые	нет	0–1

Рис. 1. Дифференциация собственников по масштабу их предпринимательской деятельности

Дифференциация по секторально-отраслевой специализации

Второе важное различие собственников базируется на секторально-отраслевой специализации их предпринимательской деятельности. В статистике она отражена в данных дифференциации субъектов предпринимательства по видам экономической деятельности (отраслям), которые (при необходимости) группируют по секторам экономики/занятости. Правда, единого подхода к группировке отраслей нет.

Популярна четырехсекторальная модель экономики, агрегирующая виды деятельности таким образом. *Первичный сектор* объединяет отрасли, связанные с добычей сырья и его переработкой, — сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство, охота (аграрно-промышленный сектор) и добыча природного сырья (угля, нефти, металлических руд и т.п.). (В пределах первичного сектора важнейшей отраслью является сельское хозяйство, поэтому его часто именуют аграрным.) *Вторичный сектор* (называемый еще индустриальным) включает отрасли, преобразующие сырье в готовый для потребления продукт, — промышленность и строительство. *Третичный сектор* объединяет сферу услуг, к которой относят транспорт, связь, торговлю, туризм, здравоохранение. В *четвертичный сектор* (называемый постиндустриальным, информационным) включают такие отрасли экономики знаний, как образование, научные исследования, информационные технологии, маркетинг, банковские и финансовые услуги, а также другие услуги, связанные с планированием и организацией производства.

В отраслевой классификации Г.Эспин-Андерсена (используемой им для построения классовой схемы) экономика дифференцирована на три сектора таким образом [Esping Andersen, 1993: p. 23–24]. *Первичная экономика* объединяет сельское, лесное и рыбное хозяйство. *Фордистская экономика* включает традиционные виды деятельности, связанные с фордистской системой стандартизированного массового производства и массового потребления (то есть объединяет вторичный и третичный секторы в предыдущей классификации). Она охватывает добывающую промышленность и производство, строительство, распределение (оптовую и розничную торговлю, транспортировку) и экономическую инфраструктуру (коммунальные услуги, связь). Однако оригинальна классификация Эспин-Андерсена фокусировкой на *постфордистской экономике*, которая дифференцирована им на три сферы услуг, порожденные фундаментальными изменениями в социальном воспроизводстве, информационных технологиях и деловой жизни людей¹. *Деловые услуги* включают виды деятельности, обеспечивающие промежуточные нефизические вклады в индустриальное производство и распределение (управленческое консультирование, создание программного обеспечения, архитектурные, юридические, бухгалтерские, финансовые услуги и т.п.). *Социальные услуги* (здравоохранение, образование и социальное обеспечение) отражают передачу домохозяйством задач, связанных с социальным воспроизводством, в общественные структуры. *Потреб-*

¹ Отрасли в рамках постиндустриального сектора группируют и иными способами, например, выделяя четвертичный (разные сферы социальных услуг) и пятеричный (сфера информационных и коммуникационных технологий) сектора [Иноземцев, 1998: с. 111–114].

бительские услуги также появляются как альтернатива самообслуживанию, в этом случае ассоциируемая с изменяющимися способами воспроизводства быта и досуга.

Дифференциация класса собственников согласно секторам экономики заложена и в ряде эмпирических классовых схем. Так, Г.Эспин-Андерсен размещает их в аграрном и фордистском секторах, однако не видит им места в постиндустриальном секторе. Дж.Голдторп базисную категорию собственников, представленную мелкими работодателями и самозанятыми (IV класс), также подразделяет на секторальном (правда, самом обобщенном) основании — на фермеров и других самостоятельных работников в первичном производстве (IVc) и на несельскохозяйственных собственников, которые, в свою очередь, дифференцированы на класс мелких владельцев с наемными работниками (IVa) и самозанятых без наемных работников (IVb).

Рис. 2. Дифференциация собственников по секторально-отраслевой специализации их деятельности

В предлагаемой схеме вторым основанием дифференциации класса собственников выступает *секторально-отраслевая специализация их деятельности*. Операционализация этого критерия базируется на основании видов экономической деятельности, агрегированных в четыре сектора следующим образом (рис. 2). *Первичный/аграрный сектор* объединяет сельское, лесное и рыбное хозяйства, *вторичный/индустриальный* — промышленность и строительство, *третичный/сервисный* — оптовую и розничную торговлю; отели и рестораны; транспорт и связь, *четвертичный/постиндустриальный* — финансовые услуги и страхование; издательскую деятельность, кино- и видеопроизводство, телерадиовещание, телекоммуникацию, компьютерное программирование, деятельность информационных служб;

операции с недвижимостью, юридические и бухгалтерские услуги, научно-исследовательскую и экспертную деятельность; государственное управление; образование; охрану здоровья и социальную помощь; предоставление коллективных и личных услуг, деятельность в сфере культуры и спорта, деятельность общественных организаций¹.

Матрица классовых позиций собственников

Пересечение двух названных критериев дифференциации образует матрицу макрокласса собственников (работающих не по найму), состоящую из 16 классовых позиций (микроклассов) (рис. 3). По горизонтали матрицы образуются четыре мезокласса собственников с разным масштабом предпринимательской деятельности, по вертикали — четыре мезокласса собственников с разной секторально-отраслевой специализацией. Например, класс мелких собственников в данной матрице репрезентирован позициями С1–С4 и D1–D4, объединяет классы мелких работодателей (лиц, нанимающих небольшое количество работников) и самозанятых (лиц, не использующих наемный труд), специализирующих свою деятельность в первичном, вторичном, третичном и четвертичном секторах.

Дифференциация по секторально-отраслевой специализации деятельности

		1	2	3	4
		Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор	Четвертичный сектор
Дифференциация по масштабу предпринимательской деятельности	A Крупные работодатели	A1	A2	A3	A4
	B Средние работодатели	B1	B2	B3	B4
	C Мелкие работодатели	C1	C2	C3	C4
	D Самозанятые	D1	D2	D3	D4

Рис. 3. Матрица дифференциации класса собственников

¹ Правда, вопрос о группировке видов деятельности (отраслей) в секторы остается дискуссионным (требующим консенсуса среди экспертов): например, добывающая промышленность автором отнесена не в аграрный, а в индустриальный сектор, а здравоохранение и туризм — не в сервисный, а в постиндустриальный сектор (как в классификации Эспин-Андерсена).

Класс наемных работников: концептуализация и операционализация понятия

В классовых схемах второй половины XX века классу наемных работников социологи уделяли наибольшее внимание, поскольку во всех индустриально развитых странах он стал наиболее многочисленным (до 90% занятого населения) и дифференцированным (в квалификационном, властном, отраслевом измерении). В целях его классового картографирования были разработаны конкурирующие концепции: противоречивых классовых положений (Э.О.Райт), различий контрактов занятости (Дж.Голдторп), пересечения занятости и отраслевой дифференциации (Г.Эспин-Андерсен).

Для эмпирического различения классовых позиций наемных работников названные аналитики используют разные критерии и их комбинации. В модели Э.О.Райта в секторе наемных работников классовые положения дифференцированы согласно двум измерениям эксплуатации: по *отношению к власти внутри производства* (менеджеры, вовлеченные в процесс принятия организационных решений; супервайзеры, имеющие власть над подчиненными, но не участвующие в принятии управленческих решений; работники-исполнители, не имеющие управленческих или контролирующих функций) и по *отношению к дефицитным умениям, знаниям и квалификационным дипломам* (высококвалифицированные эксперты с высшим образованием, квалифицированные работники со специальной подготовкой более низкого уровня и неквалифицированные без специальной подготовки). Дж.Голдторп классифицировал занятые группировки наемных работников на основании формы регулирования их занятости (так называемых “контрактов занятости”) [Goldthorpe, 2000: p. 213–214]. Специфика контрактов детерминирована двумя измерениями, дифференцирующими работу и создающими проблемы контрактных рисков с точки зрения работодателей — *сложность контроля* количества и качества выполняемой работником работы и *специфика человеческих ценных качеств* (навыки, компетентность и знания, необходимые работникам для выполнения их работы). В итоге наемные работники дифференцированы на служебный, промежуточный и рабочий классы, подразделенные на восемь позиций согласно месту во властной иерархии и уровню квалификации. В постиндустриальной классовой схеме Г.Эспин-Андерсена дифференциация наемных работников базируется на двух критериях [Esping-Andersen, 1993: p. 24–26]. По *секторально-отраслевому основанию* позиции сгруппированы в три набора, соответствующие типам разделения труда — первичный, фордистский и постфордистский. В двух последних наборах занятия стратифицированы *согласно месту в иерархии* (по объему власти и уровню квалификации). Таким образом, автор различает фордистскую и постфордистскую иерархии, каждая из которых сочетает властную структуру и структуру человеческого капитала, причем специфические для каждого вида разделения труда.

В статистике для дифференциации работников создан Международный классификатор занятий (International Standard Classification of Occupations — ISCO), в основе которого два измерения: *уровень квалификации (skill level)*, являющийся характеристикой диапазона и сложности выполняемых задач, и *квалификационная специализация (skill specialization)*, отражающая вид необходимых знаний, используемых инструментов и оборудования,

производственных процессов, изготавливаемой продукции, предоставляемых услуг и т.п. [International Standard, 2012: p. 11–18; Симончук, 2008].

В авторской схеме дифференциация классовых позиций наемных работников основана на двух критериях — квалификационном уровне и секторально-отраслевой специализации их работы.

Дифференциация по уровню квалификационного ресурса

Уровень квалификационного ресурса (иными словами, уровень человеческого/культурного капитала, дефицитных знаний и навыков, квалификационных дипломов) эксперты считают одним из важнейших для дифференциации наемных работников в современном мире. В Международном классификаторе занятий (ISCO) понятие “уровень квалификации” определено как показатель сложности и объема задач и обязанностей, выполняемых в рамках занятия [International Standard, 2012: p. 11–12]. Его критериями являются уровень формального образования, неформальной подготовки на рабочем месте и/или опыт практической работы, которые в совокупности образуют необходимые предпосылки для выполнения работы определенной сложности. Для создания классификационной структуры ISCO на ее наиболее агрегированном уровне (основных групп) разработаны четыре уровня квалификации [International Standard, 2012: p. 12–14]. Они операционализированы частично в терминах Международной стандартной классификации образования (International Standard Classification of Education — ISCED-97), а частично — в терминах неформальной подготовки, используемой для развития квалификационного уровня работника на рабочем месте. Отметим, что первая группа занятий (“менеджеры/руководители”) образована на основании не только уровня квалификации (3 и 4 уровень образования), но и наличия руководящих функций.

Авторы всех названных выше классовых схем используют критерий уровня квалификации как один из определяющих при типологизации наемных работников. Райт дифференцирует их по отношению к дефицитным умениям и знаниям на высококвалифицированных экспертов, квалифицированных работников с подготовкой более низкого уровня и неквалифицированных, которым не требуется специальная подготовка. Голдторп, согласно специфике человеческих ценных качеств (навыки, компетентность и знания), подразделяет каждый из классов наемных работников — служебный, промежуточный и рабочий — на два, группируя позиции более высокого и более низкого уровней. Эспин-Андерсен стратифицирует занятия фордистского и постфордистского секторов согласно месту в иерархии (по объему власти, мере ответственности и уровню квалификации). Отметим, что во всех названных схемах “в паре” с критерием уровня квалификации идет уровень властных полномочий (как правило, дифференцирующий работников на менеджеров, супервайзеров и исполнителей).

В предлагаемой схеме уровень квалификации (квалификационного ресурса), привлекаемый в качестве одного из важнейших критериев классовой типологизации наемных работников, понимается в широком смысле — не только как уровень сложности выполняемой работы, но и как наличие и уровень управляющих функций (властной компетенции). Наемные работники дифференцированы здесь по уровню квалификации выполняемой ими работы на четыре категории (рис. 4). В основу такой дифференциации положены уровни квалификации групп занятий в классификаторе ISCO

[International Standard, 2012: p. 12–14]. К позициям *топ-квалифицированных работников* отнесены менеджеры высокого и среднего уровня (не ниже уровня руководителя отдела предприятия/организации/учреждения, в распоряжении которого находится не менее 10 подчиненных). (Топ-уровень позволяет визуализировать в аналитической схеме так называемый “высший/доминантный класс”.) *Высококвалифицированных работников* представляют профессионалы, имеющие дипломы самого высокого (четвертого) уровня аккредитации. Позиции *среднеквалифицированных работников* занимают техники и помощники профессионалов, имеющие дипломы третьего уровня квалификации (бакалавры и младшие специалисты). В эту группу включены также супервайзеры — бригадиры и мастера, имеющие контролирующие функции (при необходимости их можно выделять в отдельный мезокласс). Позиции (условно говоря) *низкоквалифицированного уровня* объединяют всех работников массовых/базовых занятий в определенном виде деятельности, имеющих второй и первый уровни квалификации. (Этот мезокласс можно дифференцировать на два мезокласса — квалифицированных и неквалифицированных рабочих.)

		Согласно Классификатору образования ISCED-97
Дифференциация по уровню квалификационного ресурса	Е <i>Топ-квалифицированные</i>	3-й + 4-й уровень квалификации
	F <i>Высококвалифицированные</i>	4-й уровень квалификации
	G <i>Среднеквалифицированные</i>	3-й уровень квалификации
	Н <i>Низкоквалифицированные</i>	1-й + 2-й уровень квалификации

Рис. 4. Дифференциация наемных работников по уровню квалификационного ресурса

Дифференциация по секторально-отраслевой специализации

В названных выше классовых схемах секторальному критерию дифференциации наемных работников придают разное значение. В интерпретациях Райта различие между физическим и нефизическим трудом рассматривается как устаревшее и неадекватное для понимания современной трудовой жизни измерение [Wright, 1985: p. 157], поэтому в его перспективе иерархия классовых позиций нечувствительна к дифференциации ни по характеру труда (физический/нефизический), ни по секторальному признаку

(сельскохозяйственный/индустриальный/постиндустриальный). Как следствие, все работники низких уровней власти и квалификации, независимо от характера труда и сектора занятости, попадают в один — рабочий — класс¹. В классовых схемах Голдторпа и Эспин-Андерсена, напротив, присутствует убеждение, что разделение по характеру труда отражает институциональные различия в жизненных шансах. Голдторп дифференцирует наемных работников сельскохозяйственного и несельскохозяйственного труда, разделяя последних на работников физического и рутинного нефизического труда. Эспин-Андерсен считает, что менеджеры и профессионалы, не и квалифицированные рабочие разных секторов значительно отличаются в жизненных шансах и стилях жизни.

В материалах статистики отраслевая специфика наемных работников фиксируется с помощью двух методических инструментов. (1) В Международном классификаторе занятий (ISCO) вторым измерением группировки занятий выступает *квалификационная специализация*, рассматриваемая в рамках четырех понятий: область требуемых знаний; используемые инструменты и машины; обрабатываемые или используемые материалы; виды производимых товаров или услуг [International Standard, 2012: p. 11–12]. (2) В Международном классификаторе видов экономической деятельности (Statistical Classification of Economic Activities — NACE) занятия структурируются согласно специфике процесса производства продукции (товаров и услуг), осуществляемого с использованием определенных ресурсов: сырья, материалов, оборудования, рабочей силы, технологичных процессов и т.п. [Statistical Classification, 2008].

В предлагаемой схеме вторым критерием типологизации класса наемных работников является *секторально-отраслевая специализация их деятельности* (рис. 5). Ее группировка по видам экономической деятельности и секторам экономики аналогична матрице собственников (см.: рис. 2).

Матрица классовых позиций наемных работников

Пересечение двух названных критериев образует матрицу макрокласса наемных работников, состоящую из 16 микроклассов (рис. 6). По горизонтали матрицы образуются четыре мезокласса наемных работников с разным уровнем квалификационного ресурса, а по вертикали — четыре мезокласса с разной секторально-отраслевой специализацией.

Матрица собственников и наемных работников

Матрица классов дифференцирует *макроклассы* (собственники и наемные работники) — позиции, выделяемые по отношению к собственности на средства производства. По горизонталям и вертикалям образуются *мезоклассы*: позиции, выделяемые в матрице собственников — 1) по масштабу предпринимательской деятельности (крупные, средние и мелкие работодатели, а также самозанятые) и 2) по ее секторально-отраслевой специализации (собственники первичного/аграрного, вторичного/индустриального,

¹ Изучая изменение классовой структуры американского общества, Райт, тем не менее, анализирует ее и в секторальном разрезе [Wright, 1997: p. 104–111]. М.Кон в исследовании связи личности и социальных структур внес в схему Райта “поправки” относительно характера разделения труда (см., напр.: [Кон, 1998]).

третичного/сервисного и четвертичного/постиндустриального секторов); в матрице наемных работников — 1) по уровню квалификационного ресурса (топ-, высоко-, средне- и низкоквалифицированные работники) и 2) по секторально-отраслевой специализации занятия (работники названных четырех секторов). На пересечении критериев мезоклассов локализуются *микрорассы*. Предлагаемая автором матрица классов в наиболее развернутом виде включает 32 позиции, которые равномерно разделены: матрица собственников — 16 позиций и матрица наемных работников — 16 позиций.

Дифференциация по секторально-отраслевой специализации деятельности

1	2	3	4
Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор	Четвертичный сектор

Рис. 5. Дифференциация наемных работников по секторально-отраслевой специализации их деятельности

Отметим, что в такой операционализации в понятие класса ненамеренно импортируются иные социальные неоднородности. Так, в секторально-отраслевом различении классовых позиций латентно присутствует территориально-поселенческая, региональная, гендерная, возрастная дифференциация¹. Например, классовые позиции в аграрном секторе (фермер, самозанятый) вбирают в себя особенности культурного кода и исторического бекграунда сельского жителя (территориально-поселенческий критерий), а также региональную локализацию (сельскохозяйственными являются западные и южные регионы Украины). Классовые позиции в индустриальном секторе отсылают к региональной идентичности (Восток и Центр страны), территориальной (относительно закрытые моноотраслевые города со спецификой культуры, быта, образа жизни) и одновременно к гендерно сегре-

¹ Вопрос связи классовой позиции и разнообразных демографических характеристик детально обсуждается в работах П.Бурдьё [Bourdieu, 2001; 1984: p. 107, 382–383; Weininger, 2005: p. 107–113], М.Сэвиджа и коллег [Savage, 2013, 2014], Дж.Голдторпа [Goldthorpe, 1983] и Э.О.Райта [Wright, 1997].

гированным позициям — “мужским” по характеру труда. Классовые позиции в сервисном секторе, напротив, являются в гендерном плане преимущественно “женскими”, а в территориальном и региональном — нейтральными. Классовые позиции в постиндустриальном секторе присущи преимущественно жителям городов.

Дифференциация по секторально-отраслевой специализации деятельности

		1	2	3	4
		Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор	Четвертичный сектор
Дифференциация по уровню квалификационного ресурса	Е <i>Топ-квалифицированные</i>	E1	E2	E3	E4
	Ф <i>Высококвалифицированные</i>	F1	F2	F3	F4
	Г <i>Среднеквалифицированные</i>	G1	G2	G3	G4
	Н <i>Низкоквалифицированные</i>	H1	H2	H3	H4

Рис. 6. Матрица дифференциации класса наемных работников

Эмпирическая операционализация классовой схемы/матрицы

Описанные матрицы могут быть как теоретическим инструментом различения классовых позиций, так и эмпирическим. Критерии, дифференцирующие классовые позиции в матрицах (статус занятости, масштаб предпринимательской деятельности, ее секторально-отраслевая специализация, уровень квалификации), легко поддаются эмпирической операционализации. Необходимые переменные содержатся в отечественных и международных социологических массивах — мониторинге и омнибусе Института социологии НАН Украины, Европейском социальном исследовании (European Social Survey — ESS), Международной программе социальных исследований (International Social Survey Programme — ISSP). Для эмпирического конструирования переменных матриц использованы четыре переменные: статус занятости (*emplrel*), количество наемных работников (*emplno*), отраслевые категории (*pacser*), занятые категории (*iscoco*) (см. табл.)¹.

¹ В таблице дан пример эмпирической операционализации матриц в международном проекте ESS; на сайте автора статьи (<http://simonchuk.kiev.ua/materialy/>) доступно описание переменных в других проектах (в частности, проекте ISSP и мониторинге Института социологии НАН Украины).

Таблица

Переменные / вопросы для синтаксиса конструирования матриц (проект ESS)

Переменная	Название в массиве	Вопрос в анкете	Группировка для новых переменных
Статус занятости	emprel	<p>На Вашем основном месте работы Вы...</p> <p>1 — Наемный работник 2 — Работаете на себя (самозанятость) 3 — Работаете в собственном семейном бизнесе 8 — Затрудняетесь ответить</p>	<p>1 = наемные работники 2-3 = собственники</p>
Количество наемных работников	emplno	<p>Сколько у Вас работает/работало наемных работников, если таковые есть?</p> <p>НАПИШИТЕ КОЛИЧЕСТВО РАБОТНИКОВ</p> <p>88888 — затрудняюсь ответить</p>	<p>30+ = А крупные работодатели 10-29 = В средние работодатели 2-9 = С мелкие работодатели 0-1 = D самозанятые</p>
Занятые категории	isco00 или isco08	<p>4-значный код коды согласно Классификатору ISCO-88 (ESS-2002-2010) коды согласно Классификатору ISCO-08 (ESS-2011-2012)</p>	<p>см. Приложение А (табл. А.1 и А.2)</p>
Отраслевые категории	nacer2 или nacer11	<p>Что производит фирма, в которой Вы работаете?</p> <p>НАПИШИТЕ88888 — затрудняюсь ответить</p> <p>2-значный код: nacer11 — коды согласно Классификатору NACE1.1 (ESS-2002-2010) nacer2 — коды согласно Классификатору NACE2 (ESS-2011-2012)</p>	<p>nacer11 : 1-5 = 1 аграрный 10-45 = 2 индустриальный 50-64 = 3 сервисный 65-99 = 4 постиндустриальный</p> <p>nacer2 : 1-3 = 1 аграрный 5-43 = 2 индустриальный 45-63 = 3 сервисный 64-99 = 4 постиндустриальный</p>
		<p>Вид экономической деятельности</p>	
	nacer11	1-5	Сельское хозяйство
	nacer11	10-41	Промышленность
	nacer11	45	Строительство
	nacer11	50-52	Оптовая и розничная торговля
	nacer11	55	Отели и рестораны
	nacer11	60-64	Транспорт и связь
	nacer11	65-67	Финансовые услуги и страхование
	nacer11	72	Издательская деятельность, кино- и видеопроизводство, телерадиовещание, телеком-мундипация, компьютерное программирование, деятельность информационных служб
	nacer11	70-71, 73-74	Операции с недвижимостью, юридические и бухгалтерские услуги, научно-исследовательская и экспертная деятельность
	nacer11	75	Государственное управление
	nacer11	80	Образование
	nacer11	85	Охрана здоровья и социальная помощь
	nacer11	90-99	Предоставление коллективных и личных услуг, деятельность в сфере культуры и спорта, деятельность общественных организаций и др.

Таким образом, предлагаемая автором эмпирическая классовая схема доступна в трех вариантах: Матрица собственников, Матрица наемных работников, Матрица классов. (Алгоритмы их операционализации представлены в Приложении А на сайте автора статьи <http://simonchuk.kiev.ua/posts/>.) Синтаксисы для конструирования трех матриц написаны Александром Виноградовым (Национальный университет “Киево-Могилянская академия”). Синтаксисы матриц, адаптированные для разных социологических массивов, можно найти на сайте автора (<http://simonchuk.kiev.ua/materialy/>).

Варианты матрицы

Автор предлагает к использованию в исследовательской практике три матрицы (и соответственно три переменные). В наиболее развернутом виде матрица классов включает 32 позиции, матрицы собственников и наемных работников — по 16 позиций. Очевидно, что в целях эмпирического исследования классовые позиции в матрицах можно агрегировать в зависимости от конкретных задач исследователя¹ и возможностей используемой им эмпирической базы. Так, репрезентативные национальные массивы в 1800–2000 респондентов требуют агрегированной версии матриц; использование слитых массивов (ESS, ISSP, мониторинга) предоставляет возможность применения матриц с полным набором классовых позиций. Внутри матриц позиции можно группировать по горизонтальным и вертикальным осям, кроме того, комбинировать матрицы собственников и наемных работников (см. <http://simonchuk.kiev.ua/posts/>, Приложение Б).

Перспективы валидации подхода (вместо выводов)

Дебаты классовых аналитиков в последние два десятилетия, выявив основные проблемы картографирования классов, обозначили возможные перспективы совершенствования соответствующей методологии и методики и, кроме того, показали важность регионального/локального социально-экономического контекста проводимых исследований и репертуара исследовательских целей (что именно изучается и какие результаты ожидаются). Все названное мотивировало предложить альтернативный методический инструмент для классового картографирования², адекватность которого можно продемонстрировать двумя способами.

(1) Необходима валидация предлагаемой схемы (матриц) аналитического конструирования классовых позиций. Сформулируем ряд гипотез, направляющих последующие эмпирические исследования по проверке валидности. (а) Прежде всего стоит проверить тезис о принципиальном различии как собственников, так и наемных работников по секторально-отрас-

¹ Каждая матрица представляет собой своеобразный конструктор, чтобы исследователь, группируя классовые позиции, имел маневр для более точной фокусировки своего замысла.

² Данный аналитический инструмент предназначен для высокодифференцированного картографирования классовой структуры, а также для изучения “классовых эффектов” — того, совпадают ли (и если совпадают, то в какой мере) мнения и практики индивидов с предсказанными на основе их структурной позиции.

левому критерию. Например, если у представителей собственников аграрного, индустриального, сервисного и постиндустриального секторов будут выявлены сходные жизненные шансы и взаимные потоки мобильности, тогда их следует расценивать как разные страты/фракции одного класса и признать адекватной дифференциацию собственников в схемах Райта и Голдторпа, игнорирующих секторальные различия. Если же будут зафиксированы отличающиеся профили жизненных шансов и альтернативные потоки мобильности, тогда можно будет уверенно говорить о разных классах и правомерности авторского подхода. (б) Детальной эмпирической экспертизы требует вопрос гомогенности/гетерогенности класса собственников по масштабу предпринимательской деятельности. В частности, близки или далеки друг другу по своим жизненным шансам мелкие работодатели и самозанятые (иными словами — один класс они образуют или разные)? К кому ближе средние работодатели — к крупным или мелким работодателям? Или они равноудалены от них и своеобразны в своих характеристиках? Какой критерий больше дифференцирует макроклас собственников — масштаб или сектор их экономической деятельности? (в) Относительно класса наемных работников важно эмпирически проверить гипотезу гомогенности/гетерогенности, например, являются ли топ- и высококвалифицированные работники (менеджеры-администраторы и профессионалы) разными классами или одним классом. Таким образом, схему можно считать валидной, если между микроклассами обнаружатся эмпирически убедительные принципиальные отличия в жизненных шансах и стилях жизни.

(2) Релевантность предложенной схемы планируется продемонстрировать с помощью методического эксперимента, идея которого состоит в том, чтобы выявить преимущества и недостатки предлагаемой матрицы классов по сравнению с другими используемыми отечественными социологами эмпирическими классовыми схемами и выяснить, какая из них наиболее убедительно объясняет разнообразные “классовые следствия”¹. Если сила обнаруженных связей между классом, идентифицированным согласно нашей схеме с выделенными на более детализированном уровне классовыми категориями, и разными переменными (такими, как классовая идентичность, материальное благополучие, модели проведения досуга, здоровье, политические ориентации, электоральные выборы, членство в организациях) окажется выше в сравнении со схемами с крупноагрегированными классами, можно будет сделать вывод, что наш инструмент имеет лучшую объяснительную силу. Если значения силы связи будут ниже или мало отличаться, следует констатировать неудачу и провал нашей попытки предложить более удачный инструмент для определения классовых позиций.

Таким образом, следующий шаг продвижения авторской схемы состоит в ее валидации и проверке сформулированных гипотез на крупномасштабном отечественном и интернационально сопоставимом основании. В качестве эмпирической базы для этой цели планируется использовать данные слитых массивов мониторинга Института социологии НАН Украины и международных проектов ESS и ISSP.

¹ Примеры данной стратегии тестирования разных классовых и стратификационных схем см.: [Weeden, 2005; Grusky, 2008].

Источники

- Економічна активність населення України 2014 : стат. зб. — К., 2015. — 208 с.
- Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества / Т.И. Заславская // *Общественные науки и современность*. — 1997. — № 2. — С. 5–23.
- Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Заславская Т.И. — М. : Дело, 2002. — 567 с.
- Иноземцев В.* За пределами экономического общества / Иноземцев В. — М. : Academia–Наука, 1998. — 639 с.
- Ковалиско Н.В.* Стратифікаційні порядки суспільства: концептуальні уявлення та досвід вивчення / Ковалиско Н.В. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2008. — 240 с.
- Кон М.* Соціальна структура і особистість за умов радикальних соціальних змін: порівняльний аналіз Польщі й України / [М. Кон, В. Хмелько, В. Заборовський, К. Сломчинський та ін.] // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. — 1998. — № 1–2. — С. 120–137; № 3. — С. 56–74.
- Куценко О.* Классы в перспективе дилеммы “универсализм — индивидуализм” / О. Куценко // *Украинское общество в европейском пространстве* / под ред. Е. Головахи, С.Макеева. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2007. — С. 132–155.
- Куценко О.* Сохраняют ли значение классовые основания политического участия? / О. Куценко // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2006. — № 3. — С. 92–115.
- Макеев С.* Классовые конфигурации и особенности социально-политических установок / С. Макеев, С. Стукало // *Украинское общество в европейском пространстве* / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2007. — С. 105–131.
- Макеев С.* Стратифіковано-диференційована структура міського населення України / С. Макеев, А. Домаранська // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. — 2014. — № 4. — С. 42–65.
- Оксамитна С.* Класова належність чоловіків і жінок в українському суспільстві / С. Оксамитна, А. Черногорська // *Наукові записки НаУКМА*. — 2012. — Т. 135 : Соціологічні науки. — С. 8–13.
- Оксамитна С.* Соціальний клас як чинник диференціації життєвих шансів / С. Оксамитна, С. Бродська // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. — 2004. — № 4. — С. 24–42.
- Оксамитная С.Н.* Концепция классов Дж. Голдторпа: опыт применения в Украине / С.Н. Оксамитная // *Классовое общество. Теория и эмпирические реалии* / под ред. С. Макеева. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2003. — С. 82–115.
- Симончук Е.* Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения / Е. Симончук // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2010. — № 4. — С. 56–84.
- Симончук Е.* Классовые структуры в сравнительной перспективе / Е. Симончук // *Украинское общество в европейском пространстве* / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2007. — С. 33–104.
- Симончук Е.* Классификатор профессий ISCO-88: история разработки, концептуальные основания, модель операционализации, применение в социологических исследованиях / Е. Симончук // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2008. — № 3. — С. 24–41.
- Симончук Е.* Классовое действие: тенденции формирования социальных классов в Украине / Е. Симончук // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2011. — № 4. — С. 50–96.
- Соціальні структури і особистість: дослідження Мелвіна Л. Кона і його співпрацівників / пер. з англ. за наук. ред. В.Є. Хмелька. — К. : Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2007. — 559 с.
- Статистичний щорічник України за 2012 рік : стат. зб. — К., 2013. — 551 с.
- Шкаратан О.И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О.И. Шкаратан. — М. : ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2009. — 560 с.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste / P. Bourdieu / Trans. by R. Nice. — New York : Harvard University Press, 1984. — 640 p.

Bourdieu P. Masculine Domination / P. Bourdieu et al. / Transl. by R. Nice. — Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. — 144 p.

Bradley H. Class descriptors or class relations? Thoughts towards a critique of Savage et al. / H. Bradley // *Sociology*. — 2014. — Vol. 48, № 3. — P. 429–436.

Erikson R. How to Ascertain the Socio-structural Position of the Individual in Society [Electronic resource] / R. Erikson, J.O. Jonsson. — 2000. — Ch. 2. — P. 12–81. — Access mode: <http://naticent02.uuhost.uk.uu.net>.

Erikson R. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies / R. Erikson, J.H. Goldthorpe. — Oxford : Clarendon Press, 1992. — 445 p.

Esping-Andersen G. Post-Industrial Class Structures: An Analytical Framework / G. Esping-Andersen // *Changing Classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies* / G. Esping-Andersen (ed.). — London : Sage Publications, 1993. — P. 7–31.

Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies / Esping-Andersen G. — Oxford : University Press, 1999. — 207 p.

Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: A Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda / J.H. Goldthorpe // *Acta Sociologica*. — 2002. — Vol. 45. — P. 211–217.

Goldthorpe J.H. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory / Goldthorpe J.H. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 352 p.

Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain / Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne G. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1987. — 398 p.

Goldthorpe J.H. Women and Class Analysis: In Defense of the Conventional View / J.H. Goldthorpe // *Sociology*. — 1983. — № 17. — P. 465–488.

Grusky D.B. Can Class Analysis Be Salvaged? / D.B. Grusky, J.B. Sørensen // *American Journal of Sociology*. — 1998. — Vol. 103. — P. 1187–1234.

Grusky D.B. Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis / D.B. Grusky, K.A. Weeden // *Acta Sociologica*. — 2001. — Vol. 44. — P. 203–218.

International Standard Classification of Occupations: ISCO-08. Vol. 1: Structure, Group Definitions and Correspondence Tables. — Geneva : ILO, 2012. — 433 p.

Meager N. Self-Employment in the United Kingdom During the 1980s and 1990s / N. Meager, P. Bates // *The Reemergence of Self-Employment. A Comparative Study of Self-Employment Dynamics and Social Inequality* / R. Arum, W. Muller (eds.). — Princeton : Princeton University Press, 2004. — P. 135–169.

Mills C. The great British class fiasco: A comment on Savage et al. / C. Mills // *Sociology*. — 2014. — Vol. 48, № 3. — P. 437–444.

Rose D. The European Socio-Economic Classification: A New Social Class Scheme for Comparative European Research / D. Rose, E. Harrison // *European Societies*. — 2007. — Vol. 9, № 3. — P. 459–490.

Savage M. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment / [M. Savage, F. Devine, N. Cunningham, M. Taylor, Y. Li, J. Hjøllbrekke, B. Le Roux, S. Friedman, A. Miles] // *Sociology*. — 2013. — Vol. 47, № 2. — P. 219–250.

Social Class in Europe: An Introduction to the European Socio-Economic Classification / D. Rose, E. Harrison (eds.). — L. : Routledge/ESA, 2010. — 352 p.

Sørensen A.B. The Structural Basis of Social Inequality / A.B. Sørensen // *American Journal of Sociology*. — 1996. — Vol. 101. — P. 1333–1365.

Sørensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis / A.B. Sørensen // *American Journal of Sociology*. — 2000. — Vol. 105. — P. 1523–1558.

Sørensen A.B. The Structure of Career Mobility in Microscopic Perspective / A.B. Sørensen, D.B. Grusky // *Social Differentiation and Social Inequality* / [J.N. Baron, D.B. Grusky, D.J. Treiman (eds.)]. — Boulder : Westview Press, 1996. — P. 83–114.

Statistical Classification of Economic Activities in the European Community. NACE Rev. 2. — Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. — 369 с.

The Reemergence of Self-Employment. A Comparative Study of Self-Employment Dynamics and Social Inequality / R. Arum, W. Muller (eds.). — Princeton : Princeton University Press, 2004. — 480 p.

Therborn G. Class Perspectives: Shrink or Widen? / G. Therborn // *Acta Sociologica*. — 2002. — Vol. 45. — P. 221–225.

Warner W.L. Social Class in America / Warner W.L., Meeker M., Eells K. — Chicago : Science Research Associates, 1949. — 292 p.

Weeden K.A. The Case for a New Class Map / K.A. Weeden, D.B. Grusky // *American Journal of Sociology*. — 2005. — № 111. — P. 141–212.

Weininger E.B. Foundations of Pierre Bourdieu's class analysis / E.B. Weininger // *Approaches to Class Analysis* / E.O. Wright (ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 82–118.

Wright E.O. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis / Wright E.O. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 616 p.

Wright E.O. Classes / Wright E.O. — L. : Verso, 1985. — 340 p.

Wright E.O. Conclusion: If “class” is the answer, what is the question? / E.O. Wright // *Approaches to Class Analysis* / E.O. Wright (ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 180–192.

Wright E.O. The Comparative Project on Class Structure and Class Consciousness: An Overview / E.O. Wright // *Acta Sociologica*. — 1989. — № 32. — P. 3–32.